

Замок с привидениями

Вступительное слово главного редактора

«**Р**еволюции делают лавочники руками романтиков», — говорит один из героев Достоевского, пророчески вскрывшего глубины человеческой психики и социальных патологий, которые могут привести и привели к колоссальным потрясениям XX в.

Торжество идей не заканчивается с их разоблачением. Хотя бы потому, что между идеей и реальностью — дистанция. Ее наполняют заблуждения ума и эксцессы исполнения. У разоблачений, как и у идей, отнюдь не всеобщее распространение. Заблуждения обильно питаются беспамятством и банальным невежеством. Строго говоря, заблуждения — разновидность лжи, неправда. Особенно отвратительно то невежество, которое создано управляемо.

Труды Питирима Сорокина не были почти никому известны на его родине 70 лет. Как и труды его друга Николая Кондратьева — 60 лет. Два поколения были лишены возможности уменьшить степень невежества в важнейших гуманитарных науках — социологии и экономике. Так же мало было известно об их жизни. Одного — в эмиграции, другого — в тюрьме, особенно во время последнего из многих лишений свободы, щедро выпавших на долю обоих. Между тем сама жизнь великих ученых есть текст, не менее достойный изучения, нежели научные труды.

Достаточно упомянуть о том, что Питирим Сорокин, будучи, помимо прочего, специалистом в уголовном праве, исследовал такие важнейшие для своего и нашего времени про-

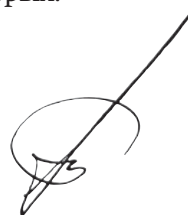
блемы и катастрофы, как преступление и кара, подвиг и награда, голод, а также социологию Достоевского и Толстого, власть и властителей, революцию, нравы, кризисы нашего времени, особенно — «жизнь в смерти», как он назвал наступившую после революций 1917 г. эпоху. В жизни Питирим Сорокин был подлинным пассионарием. Отчасти и во многом это диктовалось фундаментальным конфликтом двух зданий и их обитателей на разных берегах Невы — университета и Зимнего дворца. Еще в 1910 г. Сорокину виделось, что в этой борьбе потерпит поражение дворец.

Исследуя реальность, П.А. Сорокин имел дело с фактами, не с иллюзиями, добывал реальное знание о реальном человеке и обществе, чтобы строить научные конструкции, пережившие его и исключительно ценные в сегодняшние дни.

Когда труды ученого вернулись на родину, вышли из спецхрана, открылась правда. Правда страшная. Тем хотя бы, что мы имеем возможность сравнить наши реалии и то, что он, как и любимый им Достоевский, видел и понимал тогда нечто такое, что едва начиналось. По сути, реальность XX в. породила не только «катакомбную церковь», но и «катакомбную науку». Образовалось мощное научное знание, отгесненное официозом, не только, кстати, советским, в подполье. Отчасти оно создавалось здесь, отчасти за рубежом. Похожая судьба была и у литературы.

В итоге в нынешнем веке мы оказались в замке с привидениями. Не прочитанные книги Питирима Сорокина — привидения. Не еще неувоенные уроки Николая Кондратьева — привидения. Ряд имен легко продолжить. Привидения — это те неизвестные известные, те феномены, которые они-то уже понимали и оставили свое понимание нам в наследство! А наследство не воспринято. Многими, кто должен — по роду службы — знать их достижения ума и подвиги жизни.

Когда мы с профессором Юрием Яковцом несколько лет назад побывали на факультете социологии Гарвардского университета, который был основан Питиримом Сорокиным, следов присутствия великого социолога в актуальной памяти профессуры и студентов факультета обнаружили мало. Значит, то, что им осмыслено и оставлено в наследие потомкам, требует усилий. Чтобы не открывать Америку, во-первых, и приготовиться к пониманию «скелетов в шкафу» современного человечества — во-вторых.

А.И. Агеев, главный редактор журнала «Партнерство цивилизаций», д.э.н., профессор, академик РАЕН